

Бинарный код межсубъектной коммуникации

Т. А. ГОРЕЛОВА, И. В. ДЕКЛЕРК

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

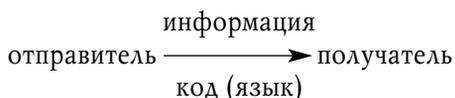
В статье явление коммуникации исследуется с позиции философской антропологии. При таком подходе коммуникация предстает как проявление не только социальной, но и экзистенциальной природы человека, так как она устанавливает его отношения с миром, Другим (и обществом), Богом и т. п. Особый статус приобретают отношения «Я — Другой». В случае активности передающей и принимающей сторон возникает межсубъектная коммуникация, обладающая особыми свойствами: диалогического взаимодействия; интерсубъективности; общения как состояния слияния сообщения, информации и понимания; наличия личности. Рассматривается структура межсубъектной коммуникации на основе концепции базовых потребностей А. Маслоу. Предлагается ее шестиуровневая структура: примитивный, традиционно ориентированный, социально-нормативный, прогрессивно-синтезирующий, духовный, духовно преобразующий типы коммуникации. Развитие массмедиа и « сетевого общества » накладывает существенный отпечаток на структуру коммуникации, привнося в нее элемент неподлинности и вызывая эффект, который можно назвать архаизацией коммуникации: доминантными становятся примитивные формы — массовая, социальная, бытовая, семейная, эротическая формы межсубъектной коммуникации, а содержащаяся в ней информация мифологизируется или обретает мистические элементы.

Ключевые слова: коммуникация, потребность, субъект, общение, общество, виртуальность, антропология, духовность.

Социальные теории коммуникации, как правило, используют одно из главных свойств коммуникации, выстраивая на основе этого доминированную объективированную, часто многоуровневую картину общественной структуры — от статических структур и простых динамических систем до психологических систем и систем социальной организации. Стремление к объективизации процесса коммуникации в этих теориях приводит к отказу от ее содержания. Коммуникация не означает механический «перенос» информации с одного живого существа на другое, а, напротив, является, по Н. Луману, самонастраивающимся аутопойетическим процессом системного конституирования.

Преодоление безликости коммуникации возможно в сфере философской антропологии, которая «высвечивает» ее структуру как бы изнутри, с позиции субъекта, и она предстает как форма взаимодействия, вбирающая в себя все виды межличностного общения — социального, индивидуально-личностного и экзистенциального. С такой позиции коммуникация выражает меру соучастия субъекта в бытии и поэтому становится межсубъектной коммуникацией. Возникающий в ней диалог можно распространить не только на субъект-субъектные отношения, но также на системы «человек-природа», «человек-общество», «человек-культура». Такое понимание феномена межсубъектной коммуникации вовлекает в поле философской рефлексии новые аспекты общения, такие как «диалогическая жизнь», «диалог культур», «межсубъектный диалог», «диалог с природой».

К. Шеннон, заложивший основы математической теории коммуникаций, считает, что коммуникативный акт представляет собой передачу информации от передатчика к реципиенту по цепочке *источник информации* → *передатчик* → *принятый сигнал* (на который может повлиять среда — *источник шума*) → *приемник* → *адресат*. Перенесение этой схемы на общество отменяет передатчик и приемник, поскольку моделирующую сигнал инстанцию выполняет речь, и тогда схема коммуникации принимает такой вид:

В указанной цепочке проявляется основное свойство коммуникации — ее бинарность. Понятие коммуникации предполагает возможность бинарного кодирования, т. е. выбор одного из двух значений кода (Луман, 2011: 54). Бинарность включена в коммуникацию на разных уровнях: взаимодействуют двое; код общения двойной, по принципу «да — вступаю в коммуникацию, нет — отвергаю ее»; содержательный смысл сообщений также двойной, так как мышление человека работает по принципу: «хорошо — плохо», «добро — зло», «низ — верх» и т. д. В этом случае коммуникация предполагает не только активность того, кто передает сообщение, но и активность принимающей стороны. Такая многомерная «бинарная» активность не является системным свойством, но свойством субъектов, а сама коммуникация становится *межсубъектной*.

Межсубъектная коммуникация — это микрокоммуникация, которая должна обладать особыми параметрами: 1) быть диалогическим взаимодействием, при котором активен не только тот, кто вступает в коммуникацию, но и реципиент; 2) обладать свойством интерсубъективности, поскольку в результате коммуникации образуется общность между субъектами коммуникативного процесса и условия для их внутренней, духовной трансформации; 3) являться общением в том смысле, который заклю-

чен в корне «общ» — состояние слияния трех элементов — сообщения, информации и понимания (Думан, 2011: 73); 4) предполагать не только наличие субъекта как активно действующего существа, но и индивидуальности (личности), обладающей отличиями, своеобразием которых можно поделиться с Другим. Межсубъектная коммуникация является неповторимой и автономной формой деятельности субъекта. В процессе коммуникации осуществляется взаимный субъект-субъектный обмен мыслями, чувствами и т. д., происходит соединение двух «человеческих миров» в единое целое.

Специфика межсубъектной коммуникации заключается в том, что человек в ней рассматривается как субъект преобразования объективной действительности, способный к преобразованию как себя, так и содействующий изменению других людей. По Э. Фромму, такое активное состояние человека только и можно назвать душевным здоровьем: оно «характеризуется способностью любить и творить... чувством тождественности, основанным на ощущении себя субъектом и носителем собственных сил и способностей» (Фромм, 1995а: 439). Внутренняя активность составляет сущность межсубъектной коммуникации, которая проявляет именно внутреннюю, духовную, сторону субъектов общения. непохожесть участников коммуникативного процесса и их принципиальное равенство — две его составляющие, которые предполагают именно связь субъектов и только субъектов (Маслоу, 1999: 152).

Потребность в коммуникации как свойство социальной природы *Homo sapiens* можно отнести к его базовым потребностям. Понимая потребность в коммуникации как «потребность потребностей», попытаемся структурировать коммуникацию на основе пирамиды потребностей А. Маслоу (там же: 84–99): 1) *физиологические* (голод, потребность в тепле, половое влечение и т. д.); 2) *экзистенциальные* (спокойное существование, жизненный комфорт, жизненная стабильность); 3) *социальные* (общественные связи, привязанность, забота о других и внимание к себе, коллективная деятельность) 4) *престижные*, социально-статусные (уважение собственной персоны, в том числе уважение со стороны других, признание, достижение успеха и наивысшей оценки своей деятельности, карьера); 5) *духовные* (познание, поиск себя в этом мире — самораскрытие, самовыражение, самоидентификация и т. д.); 6) *метапотребности* (потребность в смысле жизни, целостности, красоте, добре, истине, совершенстве).

С шестиуровневой шкалой потребностей можно соотнести шестиуровневую структуру коммуникаций, причем каждый тип коммуникации одновременно является определенным уровнем в структуре личности, которая осуществляет данную коммуникацию.

1. *Примитивная* коммуникация (соответствующая физиологическому уровню потребностей по шкале А. Маслоу) ориентирует человека только на удовлетворение материальных потребностей. Значим только настоящий момент времени, а коммуникация имеет потребительский характер. К примитивному уровню (типу) коммуникации можно отнести бытовую и эротическую формы коммуникации.

2. *Традиционно ориентированная* коммуникация (соответствующая экзистенциальному уровню потребностей) нацелена на воспроизводство прошлого опыта и ориентирует человека на циклические взаимодействия. Ключевым ее принципом является подчинение индивида интересам общества, его морали и нормам. В рамках данной коммуникации человек, «втянутый» в семейный круг, нарабатывает основные значимые навыки общения и формирует определенный язык коммуникации.

3. *Социально-нормативная* коммуникация (соответствующая уровню социальных потребностей) опирается на социальные нормы и касается области социальных интересов и общественной деятельности. Характеризуется совместным участием в сложной и подвижной сети общественных отношений и включает различные формы социальной, социокультурной и массовой коммуникации. Ее субъектами могут выступать группы, народы, институты и т. д. Нас интересует в основном «интимный» ее уровень в системе «Я — Ты».

4. *Прогрессивно-синтезирующая* коммуникация (соответствующая уровню социально-статусных потребностей) понимается как взаимоотношения между субъектами, между человеком и социумом, причем отношения строятся на основе общественных норм, нравственности, взаимного уважения и т. д. Ощущая себя лидером в какой-либо области и создавая принципиально новое, человек выражает в этом случае перспективные интересы того общества, в котором живет, способствуя общественной эволюции и проявляя себя в межкультурной и межличностной коммуникации.

5. *Духовная* коммуникация (соответствующая уровню духовных потребностей) опирается на представление: «Я знаю о твоём духовном начале, я уважаю тебя, я позволяю тебе действовать в этом мире, как ты считаешь нужным». Человек, достигший духовного уровня коммуникации, способен понять себя и действовать в соответствии со своей внутренней природой, которая в чем-то глубоко отлична от природы «среднего» человека (Maslow, 1968: 71). А. Маслоу считал самоактуализирующегося человека обычным, но настолько состоятельным, что у него нечего отнять, а среднего человека — существом в «самом соку», но с непроявленными силами и нераскрытыми способностями (по: Lowry, 1973: 91). В нашей трактовке духовный уровень коммуникации — подвижный духовный процесс, при котором раскрываются собственные способности и человек учится «слышать» и Другого, и собственное духовное «Я».

6. *Духовно преобразующая* коммуникация (соответствующая уровню метапотребностей) проявляется как системное единство субъектов коммуникации. Человек, раскрывший свою духовную сущность и проявивший себя состоятельной личностью, вступает в сознательное Со-Бытие. Это коммуникативный процесс, при котором различия способов духовного освоения мира не только не препятствуют познанию мира, но способствуют его преобразованию. Наличие в коммуникации данного уровня указывает на то, что субъект может стать «центром духовной кристаллизации», преобразовывая духовное поле коммуникаций.

Сущностным проявлением коммуникации является ее бинарность: это взаимодействие между двумя субъектами, оно осуществляется с помощью бинарного кода («1» и «0»), и само содержание передаваемого сообщения подчинено двузначному коду. Наглядным примером кодирования, по мнению Н. Лумана, могут служить система науки, в которой познание подчиняется коду двузначной логики «истина/ложь»; правовая система, оперирующая понятиями «право/бесправие»; для экономики таким кодом будет «иметь/не иметь» (Луман, 2011: 169). «Двоичные коды являются в строгом смысле... двусторонними формами, которые обеспечивают переход от одной стороны к другой, от значения к противоположному значению и обратно... Они устанавливают между позитивным и негативным значениями симметричное, циклическое отношение, которое символизирует единство системы и одновременно открывает ее для прерывания цикла» (там же: 168).

Еще одну сторону бинарности отметил Ю. Хабермас. Он считал, что коммуникация по ориентации бывает двух типов — ориентация на взаимопонимание и ориентация на успех. В случае ориентации на успех «актеры ориентируются исключительно... на последствия своих действий, постольку они стараются достичь своих целей, оказывая внешнее влияние на понимание ситуации их соперником, на его решения и мотивы, с использованием оружия или подкупа, угроз или посулов. Координация действий субъектов, которые, таким образом, обращаются друг с другом стратегически, зависит от того, насколько эгоцентрический подсчет собственной выгоды уравнивается подсчетом выгоды с противной стороны. Тогда степень кооперации и стабильности зависит от удовлетворения интересов участников взаимодействия. В противоположность этому я говорю о *коммуникативном* действии, когда актеры идут на то, чтобы внутренне согласовать между собой планы своих действий и преследовать те или иные свои цели только при условии *согласия* относительно данной ситуации и ожидаемых последствий, которое или уже имеется между ними, или о нем еще только предстоит договориться» (Хабермас, 2006: 199–200).

Социальная бинарность контролируется поведенческим актом, действием, по Хабермасу. Но психологическая, так сказать, подоснова действия также предполагает некий выбор, который на самом деле плохо контролируется, так как в нем заложена возможность самообмана или обмана другого. «Субъект может сам обмануть себя в том, что он объективно нарушает общие предпосылки действия, ориентированного на достижение взаимопонимания. Бессознательно мотивируемые действия можно объяснить латентной, т. е. скрываемой от самого себя и от других, дифференциацией между стратегическим и коммуникативным действием, причем присущий защитным действиям эффект самообмана может быть истолкован в смысле нарушения внутриспсихической коммуникации. Эта интерпретация пользуется понятием о систематическом образом искажаемой коммуникации, которая в зеркальном отражении может выступать на межличностном и внутриспсихическом уровне» (там же: 286). В последующих действиях этот внутренний обман вскрывается, поэтому в социуме все же сохраняется принцип бинарности.

Следуя Луману, попытаемся оценить коммуникацию в рамках бинарного смысла, т. е. сопоставим на каждом уровне ее «верхнюю» и «нижнюю» возможности.

1. *Примитивный, физиологический уровень коммуникации.* Бинарность поведенческого ответа на внешние стимулы проявляется уже на уровне инстинкта как агрессивное и альтруистическое поведение. «В чистом виде и у животных, и у человека инстинкт проявляется, с одной стороны, как агрессивный, эгоистический мотив защиты права на жизнь вида или отдельной особи, как право сильного на размножение, но, с другой стороны, как торможение агрессии для возможности внутривидового существования и спаривания, т. е. в виде альтруистического взаимодействия и сотрудничества. Маятник торможения не останавливается в “нулевой точке” нейтральных отношений, но отклоняется в сторону предпочтений, дружбы и преданности. Изначальный эгоизм самосохранения уравнивается в природе столь же сильным “желанием” быть вместе, жить сообща» (Горелов, Горелова, 2006: 224). Основой стабильности человеческих популяций также является равновесие эгоизма и альтруизма: расцвет эгоистических склонностей делает сообщество ранимым и приближает его распад и вымирание в конкурентном соревновании с другими сообществами, в полной мере наделенными генами общительности. С другой стороны, высокая доля альтруистических членов сообщества порождает «вольных стрелков», кото-

рые, пользуясь их добротой, отбирают средства к существованию. Таким образом, эгоистичность агрессии и альтруистическая взаимопомощь — два базовых принципа, утверждающих диапазон коммуникации на последующих уровнях.

Уже на этом уровне у человека закладываются присущие только ему формы коммуникации. «Плач есть... начальная фаза формирующейся коммуникативной деятельности... Крик младенца при рождении — в определенном смысле специфическая особенность человека» (Белик, 2012: 899). В мире, где еще нет слов, важнейшее значение имеют невербальные коммуникации — жесты, улыбки, взгляды. Улыбка — важнейшая форма эмоционального и невербального общения детей с взрослыми. Более сложная форма поведения, формирующаяся в самый ранний период, — привязанность.

У взрослых «верхняя планка» — физиологической любви¹ — заключается в реализации природных (связанных с продолжением рода), инстинктивных потребностей. Сюда можно отчасти отнести и материнскую любовь, основанную также на инстинктивных потребностях — обогреть, накормить, обезопасить.

2. *Традиционно ориентированный уровень* соответствует экзистенциальному уровню личности. Бинарную основу психики Э. Фромм видит в том, что в глубине души человек всегда остается со своими «двумя инстинктами» — стремлением к добру и стремлением к злу. Зло — специфически человеческий феномен. Животное не может быть злым, потому что оно не свободно в выборе, а присущие ему инстинкты служат для выживания. Осознание человеком своей настоящей человеческой природы означает выбор в пользу добра. «В проблеме свободного выбора речь идет не о том, чтобы выбрать между двумя одинаково хорошими возможностями... речь постоянно идет о том, решиться ли на лучшее или худшее... Свобода означает не что иное, как способность следовать голосу разума, здоровья, благополучия и совести против голоса иррациональных страстей» (Фромм, 1992: 94).

Любовь, возможная на этом уровне, охарактеризована Платоном как «стерэ» — «спокойное и непрерывное чувство в глубине любящего... Такова нежная, спокойная и уверенная любовь родителей к детям, мужа к жене, гражданина к отечеству» (см.: Флоренский, 1990: 397). Такая экзистенциальная любовь является способом преодоления отчужденности, одиночества, равнодушия человека, попавшего в «мир иллюзии», человека, у которого рушатся старые мифы и жизненные представления. Любовь-привязанность родителей в детстве способствует преодолению экзистенциального одиночества у выросшего взрослого человека (Воскобойников, Рашидова, 2010).

3. *Социально-нормативный уровень* можно охарактеризовать диапазоном коммуникации, базирующемся в «нижнем» состоянии на насилии, а в «верхнем» — на специфически человеческой альтруистической любви, соответствующей платоновской «филия» — «близкая склонность к лицу, выросшая из задушевной общности и близости» (Флоренский, 1990: 397). Н. Луман отмечает, что в архаичном смысле «филия» означала солидарность, ей противопоставлялось понятие вражды (Луман, 2011, кн. 2: 346).

В. С. Соловьев называл отношение к равному «жалостью». Он видел ростки человечности не в разуме, а в универсальной чувственности человека, т. е. таких врожденных чувствах, как стыд, жалость и благоговение. «Чувства стыда, жалости и благоговения исчерпывают в основе всю область возможных нравственных отношений человека к тому, что ниже его, что равно ему и что выше его» (Соловьев, 1988, т. 1: 52).

Сверхчувственное понимание любви обнаруживается у И. Канта. Любовь рассматривается им как двоякий эффект: с одной стороны, она — страсть, с другой — часть нравственного поведения, проявляющегося в доброте, уважении, благосклонности и т. д. Но поскольку нравственность, по Канту, принадлежит к «сверхчувственному субстрату», который существует «...в нас так же, как и вне нас» (Кант, 1966: 197), то и любовь как коррелят нравственности имеет сверхчувственную природу и выводит разум в «мир добра», где насилие невозможно.

Вероятно, Кант был прав, так как стремление освободиться от насилия есть основное духовное движение человечества после Христа. «Обман состоит в ложном убеждении, что жизнь людей может быть обеспечена нашей борьбой с другими людьми», — обращался с проповедью к отпавшему от Бога человечеству Л. Н. Толстой. Толстовская идея ненасильственного сопротивления нашла отклик в сатьяграхе М. Ганди, который сформулировал принципы практики ненасилия: 1) не уходи от борьбы (*принцип активности*); 2) делай борьбу созидательной (*принцип конструктивности*); 3) не применяй насилия (*принцип ахимсы*); 4) будь готов пойти на жертвы во имя дела (*принцип страдания*); 5) стремись понять оппонента и быть понятым им (*принцип понимания*); 6) ищи компромиссов (*принцип компромисса*) (см.: Деяткин, 1996: 16–65).

4. *Прогрессивно-синтезирующий коммуникативный уровень* имеет существенное отличие от предыдущих, которое отмечает В. С. Соловьев. Из общеприродного принципа альтруизма он выводит два правила — справедливости (никого не обижать) и милосердия (всем помогать). Справедливость и милосердие есть лишь две стороны одного и того же нравственного чувства. Со-страдание, двойное страдание, тождественное его разделению, уменьшению. Сострадание есть направленность разума в мир, вовне себя, аффективное перенесение причинения зла ближнему на себя и ощущение его. Н. Ф. Федоров придает этому нравственному чувству коллективное значение, утверждая, что «жить нужно не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех» (Федоров, 1982: 69). Тот, кто «не свободен больше выбирать зло», является полностью свободным человеком. Осознание в этом случае означает усвоение знания путем его переживания, эксперимента над самим собой, наблюдения над другими людьми, что приводит к твердому убеждению, а не мнению. Свобода выбора «человеческого» поведения рождает огромную внутреннюю энергию и радость, которая несравнима более ни с каким другим переживанием. Способность радоваться за других членов общества, действовать согласно своей совести, свободной воле — вот отличительные черты любви, в которой чувство соединяется с волей.

Для «двойного» сострадания нет негации: ненависть, возведенная в квадрат, не меняет своей сущности. Поэтому на духовном уровне рождается то, что Н. Луман удачно назвал «асимметрией коммуникации». Он пишет: «Религия исходит из асимметрии. Преобразование закона, согласно которому совершившие супружескую измену должны побиваться камнями, Иисус осуществляет через введение невидимого для других предписания и нового правила: “Тот, кто из вас без греха, пусть первый бросит в нее камень”. Правило устанавливается — и изымает себя из коммуникации» (Луман, 2011, кн. 2: 257). Состояние, когда растворяется коммуникация, на наш взгляд, можно характеризовать как «слиянность».

С точки зрения экзистенциализма внутренняя противоречивость любви отвергает не только возможность коммуникации как духовного диалога, но и как душевного

взаимодействия. Экзистенциальное одиночество рождения и смерти становится и социальным одиночеством, одиночеством вдвоем. По К. Ясперсу, возможны два уровня коммуникации: коммуникация «наличного бытия», «процесс, в котором Я действительно становится самим собой благодаря тому, что оно обнаруживает себя в другом», и экзистенциальная коммуникация. Социальная коммуникация, будучи эмпирической, является неподлинной (см.: Габитова, 1972: 178). По Ясперсу, подлинной становится только экзистенциальная коммуникация, но и в ней присутствует борьба, «любящая борьба», которая не гармонизирует мир, а скорее затрудняет коммуникацию, если не делает ее вообще невозможной, ставит все под вопрос, порождает затруднения и претензии (Краткая философская..., 1994: 216–217). Ж.-П. Сартр, усиливая сомнение Ясперса, утверждает, что зависимость, которая возникает при общении с другими, является «перво-несчастьем» для самобытия. Парадокс общения в том, что через него «возникает новое одиночество», которое может быть преодолено лишь через уничтожение «Я» (самой экзистенции) (см.: Габитова, 1972: 180). Выход, по Ясперсу, находится в возможности общечеловеческой коммуникации. Осевое время (VIII–II вв. до н. э.) было аналогом такой подлинно коммуникативной ситуации. Объединенные верой люди смогли совершить духовный скачок к личности и глубокому знанию о мире. Современную ситуацию безверия и незнания «первых причин» можно рассматривать как точку бифуркации, которая готовит новое осевое время. Идеальное неограниченное коммуникативное сообщество К.-О. Апеля можно рассматривать как идеально-рациональную модель такого будущего.

5. *Духовному коммуникативному уровню*, следуя логике Платона, соответствовало бы агепе. Это понятие «указывает на любовь рассудочную, основывающуюся на оценке любимого... ближе всего к нашему ценить, уважать» (Флоренский, 1990: 397). П. А. Сорокин противопоставляет любовь-агепе всем другим формам любви, называя остальные «эгоцентрическим эросом». Характеризуя две ипостаси любви, он приходит к выводу, что любовь-эрос на самом деле любовью не является, человек, ощущающий подобное состояние, не любит ни самого себя, ни кого-то другого. Любовь-эрос настолько материальна, что рассматривает Другого как объект и средство для получения материальных выгод (положения, комфорта, достатка и т. д.) По Сорокину, любовь-эрос по своей природе является практической и ориентированной только на наслаждения. В противоположность эросу любовь-агепе (духовная любовь) — это неэгоистическая, отдающая себя любовь, она не ждет признания и обладает творческим началом, способным просветлить достоинства и добродетель даже там, где их еще просто нет (Сорокин, 1991: Электр. ресурс).

За полторы тысячи лет до Сорокина такую же мысль о любви находим у Августина Блаженного: «Имеется... всего два рода человеческого общения» (Антология, 1969: 602), создающих два града — Божий и земной. «Итак, существуют два града, которые созданы двумя родами любви: земной, т. е. любовью к себе, и презрением Господа и небесной также любовью к себе, но доведенную до презрения к самому себе» (там же). Парадоксальность данного утверждения снимается, если принять во внимание, что в первом случае речь идет о любви к эмпирическому «Я» (эгоизм) и забвению «Я» духовного, а во втором — любви к духовному «Я» и презрению к «Я» плотскому. По Августину, в земном граде есть еще один град, *предизображающий* град небесный, поэтому небесный град еще находится в земном странствовании, в становлении (там же: 603, 604). В христианстве способность любить ближнего —

отличительная черта любви духовной. По Библии, она рождается как продолжение и дополнение полноты любви к Богу.

Парадокс любовной коммуникации заключается в диалектике отношения: «два человека становятся одним единым существом, но в то же время физически остаются при этом двумя существами» (Фромм, 1995b: Электр. ресурс). В глубинной духовной праоснове, на базе которой происходит единение «Я» и «Ты», заключается загадка удивительной прочности любовной связи. Любовь — это единственное в своем роде чувство, при котором мы именно *желаем* впустить Другого в свое индивидуальное бытие, стать «личностью в двух лицах».

6. *Духовно преобразующий коммуникативный уровень* проявляется как преодоление себя в процессе становления Человека Духовного. Трансцендирование представляет собой специфическое свойство человека, посредством которого он не только постигает смысл жизни и истину бытия, но и устремляется по пути эволюции. В его природу как бы заложено стремление к самому себе, к своей истине с целью преодоления диалектики наших желаний и создания целостного единства личности.

Это всегда ощущала русская культура. В философии всеединства любовь предстает как преодоление духовного обособления и выход во «всеединство». Вл. Соловьев пишет: «...если в нашем мире раздельное и обособленное существование есть факт и актуальность, а единство — только понятие или идея, то там (в запредельном мире. — Т. Г., И. Д.), наоборот, действительность принадлежит единству, или точнее, всеединству, а раздельность и изолированность существуют только потенциально и субъективно» (Соловьев, 1988, т. 2: 533). Любовь — это сила, способная «вытолкнуть» человека из эгоистического существования.

Во-первых, любовь упраздняет человеческий эгоизм, т. е. его обособленность от целого. «Истина, она как живая сила, захватывающая внутреннее существо человека и истинно выводящая его из ошибочного самоутверждения, называется любовью» (там же: 505). Во-вторых, она создает подлинного человека (истинного, цельного человека) через интегрирование мужской и женской индивидуальности, так как истинный человек, согласно Вл. Соловьеву, не может быть только мужчиной или женщиной, а должен стать высшим единством обоих². Во всеединстве человек, бытие и сверхбытие создают единое и неделимое целое. И именно это помогает преодолеть дуализм материального и духовного. Таким образом, человек достигает подлинного состояния любви и понимания своего «Я».

Состояние «трансцендентального общения» или «бытие-любовь» есть целостное состояние: оно одновременно и конкретно как любовь к выделенному «Ты», и всеобщее как феномен духовный. Рассматривая четыре греческих глагола, выражающих различные аспекты феномена любви, П. А. Флоренский приходит к выводу о том, что ни один из них целиком не выражает смысл целостного понятия *любви-дружбы* или *дружбы-любви* (Флоренский, 1990: 396, 400). Оба аспекта любви — агапическая и филическая — у П. Флоренского неразрывно взаимосвязаны и наличествуют в отношении к Другу. «Филия» необходима «агапе», чтобы любящий не растворился, потеряв себя во всеобщем, а «агапе» необходима «филии», чтобы дружеское чувство к другому не стало просто иным видом себялюбия. Несмотря на то что оба эти аспекта любви-дружбы и выступают обоюдным условием, они несводимы друг к другу, а значит, и антиномичны (там же: 411–412). Здесь, кроме всего прочего, Флоренским выработан своеобразный критерий, по которому можно различить подлинность любви: любовь-эрос преимущественно конкретна, она любовь вождедеющая. В ду-

ховной любви присутствует сверхрассудочное неантиномичное интуитивное единство — «филия» и «агапе» как единство всеобщего (любовь ко всем) и конкретного, единичного (любовь к каждому в отдельности).

Итак, межсубъектная коммуникации с позиции философской антропологии — это взаимодействие, не только несущее в себе информацию, но и окрашенное чувством и волевым устремлением. «Бинарный код» коммуникации отражает двойственность природы человека: он обитатель разных миров, диапазон которых — от грубых пластов мира повседневности до духовного мира. Современное медийное сетевое общество привносит в коммуникацию элемент неподлинности и отчужденности, вызывая эффект архаизации коммуникации: доминантными становятся примитивные формы межсубъектной коммуникации. Субъект, ощущающий себя человеком, ищет выход, который возможен только через симпатию, дружбу и любовь, т. е. через «выздоровление» коммуникации в результате ее одухотворения и слиянности субъектов общения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Близко платоновскому «эросу». Так любить — «направлять на предмет всецелое чувство, отдаваться предмету, для него чувствовать и воспринимать» (Флоренский, 1990: 396).

² «...человек и его женское alter ego» (Соловьев, 1988, т. 2: 530).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антология мировой философии (1969) : в 4 т. М. : Мысль. Т. 1. Ч. 2. 720 с.
- Белик, А. А. (2012) Детство // Социокультурная антропология: история, теория, методология : Энциклопедический словарь / под ред. Ю. М. Резника. М. : Академический Проект, Культура ; Киров : Константа. С. 896–910.
- Воскобойников, А. Э., Рашидова, Т. Р. (2010) Понятие «одиночество» сквозь призму философских категорий // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 201–206.
- Габитова, Р. М. (1972) Человек и общество в немецком экзистенциализме. М. : Наука. 224 с.
- Горелов, А. А., Горелова, Т. А. (2006) Этика. М. : Флинта. 416 с.
- Десяткин, С. В. (1996) Искусство сатяграхи // Опыт ненасилия в XX столетии. Социально-этические очерки / ред. Р. Г. Апресян. М. : Аслан. 288 с. С. 16–65.
- Кант, И. (1966) Соч. : в 6 т. М. : Мысль. Т. 5. 546 с.
- Краткая философская энциклопедия. (1994) М. : Прогресс. 576 с.
- Луман, Н. (2011) Общество общества : в 5 кн. М. : Логос. Кн. 2 : Медиа коммуникации. Кн. 4 : Дифференциация. 640 с.
- Маслоу, А. (1999) Мотивация и личность / пер. А. М. Татлыбаевой. СПб. : Евразия. 320 с.
- Соловьев, В. С. (1988) Соч. : в 2 т. М. : Мысль. 822 с.
- Сорокин, П. А. (1991) Таинственная энергия любви [Электр. ресурс] // Федеральный образовательный портал «Экономика. Социология. Менеджмент». URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/562/943/1216/16Sorokin.pdf> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 16.11.2012).
- Федоров, Н. Ф. (1982) Философия общего дела // Федоров Н. Ф. Соч. М. : Мысль. 711 с.
- Флоренский, П. А. (1990) Столп и утверждение истины : в 2 т. М. : Правда. Т. I (I). 491 с.
- Фромм, Э. (1992) Душа человека. М. : Республика. 430 с.
- Фромм, Э. (1995а) Здоровое общество // Психоанализ и культура: Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М. : Юрист. 623 с. С. 273–565.
- Фромм, Э. (1995b) Искусство любить [Электр. ресурс] // Bookap.Info. Психологическая библиотека. URL: <http://bookap.info/popular/fromlove/gl10.shtm> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 27.01.2013).
- Хабермас, Ю. (2006) Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука. 380 с.
- Lowry, R. (1973) A. H. Maslow: An Intellectual Portrait. Monterey, CA : Brooks/Cole. 320 p.
- Maslow, A. (1968) Toward a Psychology of Being. 2nd ed. N. Y. : Van Nostrand. 268 p.

Дата поступления: 15.10.2013 г.

THE BINARY CODE OF INTERSUBJECTIVE COMMUNICATION

T. A. GORELOVA, I. V. DECLERCQ
(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

In this article, the authors investigate the phenomenon of communication from the standpoint of philosophical anthropology. This approach shows the communication as a manifestation not only of the social, but also of the existential human nature. The communication establishes relations between a person and the world, or between a person and the Other (and society), or God, etc. The relation «Myself — the Other» gets a special status. Two active parts (one transfers information, the other receives it) establish intersubjective communication. Intersubjective communication has special characteristics of: dialogical interaction; intersubjectivity (a profound understanding of the message); conversation as a condition of the fusion of the message, information and understanding; the presence of a personality. The authors consider the structure of intersubjective communication based on A. Maslow's conception of the basic needs. They argue that there are six levels in the structure of intersubjective communication: primitive, traditionally oriented, socially oriented, progressive and synthesizing, spiritual, and spiritually reformative levels. The development of mass media and the «network society» has a great impact on the structure of communication. These phenomena create an element of unreality and result in an effect, which can be called «the archaization of communication», because primitive forms of intersubjective communication (mass, social, everyday, family, erotic) become dominating and the information they contain becomes more mythical and mystical.

Keywords: communication, requirement, subject, interaction, society, virtuality, anthropology, spirituality.

REFERENCES

- Antologija mirovoi filosofii [Anthology of World Philosophy] (1969) : in 4 vols. Moscow : Mysl' Publ. Vol. 1, part 2. 720 p. (In Russ.).
- Belik, A. A. (2012) *Detstvo* [Childhood]. In: *Sotsiokul'turnaia antropologija: istorija, teorija, metodologija* : Entsiklopedicheskii slovar' [Socio-cultural Anthropology: History, Theory, Methodology : encyclopedic dictionary] / ed. by Yu. M. Reznik. Moscow : Akademicheskii Proekt Publ., Kul'tura Publ. ; Kirov : Konstanta Publ. Pp. 896–910. (In Russ.).
- Voskoboinikov, A. E., Rasidova, T. R. (2010) *Poniatie «odinochestvo» skvoz' prizmu filosofskikh kategorii* [The Concept of Loneliness through the Prism of Philosophical Categories]. *Znanie. Poniimanie. Umenie*, no. 2, pp. 201–206. (In Russ.).
- Gabitova, R. M. (1972) *Celovek i obschestvo v nemetskom ekzistentsializme* [Person and Society in the German Existential Philosophy]. Moscow : Nauka Publ. 224 p. (In Russ.).
- Gorelov, A. A., Gorelova, T. A. (2006) *Etika* [Ethics]. Moscow : Flinta Press. 416 p. (In Russ.).
- Deviatkin, S. V. (1996) *Iskusstvo sat'iagrakhi* [The Art of Satyagraha]. In: *Opyt nenasilija v XX stoletii. Sotsial'no-eticheskie ocherki* [The Experience of Non-violence in the 20th Century. Socio-ethical Essays] / ed. by R. G. Apresian. Moscow : Aslan Publ. 288 p. Pp. 16–65. (In Russ.).
- Kant, I. (1966) *Sochinenija* [Works] : in 6 vols. Moscow : Mysl' Publ. Vol. 5. 546 p. (In Russ.).
- Kratkaia filosofskaia entsiklopedija [Concise Philosophical Encyclopedia]. (1994) Moscow : Progress Publ. 576 p. (In Russ.).
- Lumann, N. (2011) *Obschestvo obschestva* [The Society of Society] : in 5 books. Moscow : Logos Publ. B. 2. Media Communications. B. 4. Differentiations. 640 p. (In Russ.).
- Maslow, A. (1999) *Motivatsiia i lichnost'* [The Motivation and Personality] / transl. by A. M. Tatybaeva. St. Petersburg : Evrasia Publ. 320 p. (In Russ.).
- Soloviev, V. S. (1988) *Sochinenija* [Works] : in 2 vols. Moscow : Mysl' Publ. 822 p. (In Russ.).
- Sorokin, P. A. (1991) *Tainstvennaia energija liubvi* [Mysterious Energy of Love]. *Federal'nyi obrazovatel'nyi portal «Ekonomika. Sotsiologija. Menedziment»* [Federal Educational Portal «Economics. Sociology. Management»]. [online] Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/562/943/1216/16Sorokin.pdf> [archived in WebCite] (accessed 16.11.2012). (In Russ.).

Fedorov, N. T. (1982) *Filosofia obshchego dela* [The Philosophy of Common Action]. In: Fedorov N. T. *Sochineniia* [Works]. Moscow : Mysl' Publ. 711 p. (In Russ.).

Florensky, P. A. (1990) *Stolp i utverzhdienie istiny* [Pillar and Confirmation of the Truth] : in 2 vols. Moscow : Pravda Publ. Vol. I (I). 491 p. (In Russ.).

Fromm, E. (1992) *Dusha cheloveka* [The Soul of Man]. Moscow : Respublika Publ. 430 p. (In Russ.).

Fromm, E. (1995a) *Zdorovoe obshchestvo* [A Healthy Society]. In: *Psikhoanaliz i kul'tura: Izbrannye trudy Karen Kborni i Erikha Fromma* [Psychoanalysis and Culture: Selected Works by Karen Horney and Erich Fromm]. Moscow : Iurist Publ. 623 p. Pp. 273–565. (In Russ.).

Fromm, E. (1995b) *Iskusstvo liubit'* [The Art of Loving]. *Bookap. Info. Psikhologicheskaiia biblioteka* [online] Available at: <http://bookap.info/popular/fromlove/gl10.shtm> [archived in WebCite](accessed 27.01.2013). (In Russ.).

Habermas, J. (2006) *Moral' noe soznanie i kommunikativnoe deistvie* [Moral Consciousness and Communicative Action]. St. Petersburg : Nauka Publ. 380 p. (In Russ.).

Lowry, R. (1973) *A. H. Maslow: An Intellectual Portrait*. Monterey, CA : Brooks/Cole. 320 p.

Maslow, A. (1968) *Toward a Psychology of Being*. 2nd ed. N. Y. : Van Nostrand. 268 p.

Submission date: 15.10.2013.

Горелова Татьяна Анатольевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-55-11. Эл. адрес: fylosofy@mosgu.ru

Деклерк Ирина Вячеславовна — аспирант кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-55-11. Эл. адрес: fylosofy@mosgu.ru. Научный руководитель — д-р филос. наук Т. А. Горелова.

Gorelova Tatyana Anatolievna, Doctor of Science (philosophy), professor of the Philosophy, Culturology and Politology Department, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5 Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-55-11. E-mail: fylosofy@mosgu.ru

Declercq Irina Viacheslavovna, postgraduate of the Philosophy, Culturology and Politology Department, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5 Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-55-11. E-mail: fylosofy@mosgu.ru. Research advisor — Doctor of Science (philosophy) T. A. Gorelova.